

ТЕАТР

СОФЬЯ Гиацинтова и **Серафима** Бирман!

Облик этих столь разных, отличающихся яркой, неповторимой индивидуальностью, высокой сценической и духовной культурой актрис хорошо известен нескольким поколениям зрителей.

В эти августовские дни театральная общественность столицы, любители искусства, москвичи, люди различных возрастов и профессий с признательностью отмечают знаменательные даты творческого и жизненного пути актрис. Гиацинтовой — 75, Бирман — 80 лет. Из них шесть десятилетий отдано театру. Из них сорок пять лет — с 1913 по 1958 г. — они работали в тесном содружестве, выступая в одних театрах. Вначале в первой студии Московского Художественного театра, преобразовавшейся вскоре во МХАТ 2-й, затем в театре имени МОСПС. С 1938 года обе они вместе с И. Н. Берсеневым связали свою судьбу с юным, тогда еще не профессиональным театром рабочей молодежи и общими усилиями создали коллектив, которому было присвоено имя Ленинского комсомола. Гиацинтова и ныне режиссер и актриса этого театра, а Бирман в последние годы играет в Академическом театре имени Моссовета.

Множество удивительно интересных, самых разнообразных женских образов создано ими. У каждой из них свои любимые роли, несхожие героини. Давая им сценическую жизнь, они никогда не шли проторенным путем. Каждая роль — это труд, поиски, бурная деятельность воображения, напряжение мысли, чудо преобразования. Все их героини — положительные или отрицательные, главные или эпизодические лица — всегда незаурядные личности, сложные, сильные натуры. Показывая их судьбы, их возвышение или гибель, их борьбу в битве жизни, актрисы жаждут поведать зрителю нечто важное, нужное, помогающее жить и действовать сегодня.

Вся творческая жизнь Гиацинтовой и Бирман связана с эпохой становления и укрепления советского социалистического общества и его искусства. На всех путях и перепутьях, в пору жестокой войны и кипучей, созидательной мирной деятельности они стремятся ощутить, услышать биение времени. Следуя заветам великих своих учителей — Станиславского, Вахтангова, Сулержицкого, обе актрисы видят в театре прежде всего трибуну высоких идеалов, могучий источник нравственного, духовного обогащения человека. Сцена для них — путь служения народу. «Сердцем ощущаю, — писала Бирман в своей книге «Путь актрисы», — что истинное сценическое самочувствие советского актера — это существование в нем, без секунды разлучения гражданина и мастера сцены».

В свою очередь, работая над Норой Ибсена, Гиацинтова утверждала: «Я буду играть, как могу, как актриса моего века, моей страны, моего мировоззрения»...

Эти качества и помогли каждой из них дать свое оригинальное истолкование, открыть неожиданное и новое во многих ролях классической и советской драматургии.

Мы помним, с какой энергией и темпераментом сыграла молодая Бирман советскую женщину — труженицу Анну в «Чудаке» Афиногенова и какой трагедийной силой она достигла в облике

ГОРЕНИЕ ТАЛАНТА

матери, потерявшей трех сыновей, в его же пьесе «Салют, Испания!». А мать коммуниста («Мой сын» Гергеля и Литовского) — величие, достоинство и захватывающий драматизм.

Бирман на сцене с равной силой любит или негодует. Ей присуща прозорливость, ясность в оценке морального облика, изображаемого ею лица. Вот почему так помудрому добра и обаятельна, несмотря на внешнюю суровость и угловатость, была ее майор Анна Греч в пьесе Симонова «Так и будет». Поэтому так страшен был пронизанный ненавистью сценический портрет одержимой фашистки Эрны Курциус («Особняк в переулке»). А с какой вдохновенной мощью изобразила артистка испуганный фанатизм Ефросиньи Старицкой в фильме Эйзенштейна «Иван Грозный»!

«Ни на миг, изображая пакость, — писала Бирман, — не забывала я того, каким должен быть настоящий человек». Это сказалось и в лучшей ее роли — в горьковской Вассе Железновой — мятущейся, могучей и несчастной женщине-собственнице. В последние ее ролях — Карпухина («Дядюшкин сон»), учительница («Шторм») — все та же чеканная графика, броская внешняя выразительность и глубина постижения страстей и помыслов своих героинь.

Гиацинтова смолodu поражала контрастами преобразований, вдумчивостью, филигранностью мастерства, тонкостью психологического анализа. То по-шекспировски буйная, озорная и предприимчивая Мария в комедии «Двенадцатая ночь», то самоотверженная русская девушка Шурочка, пылко полюбившая декабриста Бартенева («В 1825 году»). Изящная хозяйка уютного гнездышка — Нора, решительно покидающая в финале «кукольный дом», чтобы в большом, незнакомом мире искать свою правду, и тут же — пушкинская, пленительная, бросающая вызов небесам Донна Анна. А потом, в пору зрелости, — плетущая кружева любовной интриги тургеневская Наталья Петровна («Месяц в деревне») и стойкая революционерка Рашель, сумевшая победить хищную власть Вассы Железновой.

Самой любимой и значительной ролью Гиацинтовой стала мать Ильича — Мария Александровна Ульянова, которую она первая сыграла в пьесе «Семья» Попова и в фильме «Семья Ульяновых». Лучшие черты русской передовой демократической интеллигенции — благородство, мужество, ум, сердечность — все запечатлелось здесь. И отсвет этого образа как бы озарил последнюю, сыгранную в прошлом сезоне Гиацинтовой роль подруги большого ученого, жены профессора Полежаева в пьесе «Беспокойная старость».

Что сказать в эти юбилейные дни нашим дорогим актрисам? Оставайтесь всегда такими же верными себе и знамени реалистического, правдивого искусства! Ваша деятельность — достойный пример для молодежи.

А. ДУБИНСКАЯ,
кандидат филологических наук.